

Рецензируемая коллективная монография подготовлена главным образом специалистами Отдела африканских языков Института языкознания РАН (Москва), с участием исследователей из других лингвистических центров Москвы и Санкт-Петербурга. Она является третьим (и самым объемным) выпуском в серии “Основы африканского языкознания”; предыдущие два были посвящены именным категориям и морфемике. Жанр этой серии не учебный (как можно было бы предполагать, исходя из названия). Не являлось целью составителей и дать какой-то исчерпывающий обзор глагольных систем во всех африканских языках – такая задача была бы трудновыполнимой в рамках одного (даже очень увесистого) тома, ведь число языков континента превышает две тысячи.

Статьи тома можно условно разделить на две группы: (1) типологические обзоры; (2) описания глагольных систем или фрагментов таких систем отдельных языков или объединений родственных языков.

К числу типологических обзоров относятся статьи В.А. Плунгяна, А.Ю. Урманчиевой и, в какой-то мере, И.С. Аксеновой.

В своих сравнительно небольших, но очень емких “Заметках к типологии” В.А. Плунгян ухитряется затронуть едва ли не все ключевые моменты, определяющие специфику африканских глагольных систем. С определенными оговорками можно считать, что автор делает проекцию соответствующих разделов своего учебника “Общая морфология” на африканский материал – что, впрочем, несколько не умаляет ее значимости: в учебнике африканский материал представлен достаточно скромно, и такое проецирование потребовало осмысления и интерпретации огромного количества данных.

Исходя из справедливого утверждения, что при типологическом анализе ареальный фактор оказывается более существенным, чем генетическое родство (особенно когда речь идет о родстве дальнем), В.А. Плунгян выделяет в Тропической Африке четыре ареала, не всегда совпадающие с границами языковых семей и макросемей: Южно-Центральный (языки банту и койсанские); Восточная Африка (восточносуданские, кушитские, омотские, эфио-семитские языки); Северно-Центральная Африка (адамауа, убангийские, центрально-суданские, сахарские языки); Западная Африка (гур, ква, кру, бенуэ-конго, манде, иджойдные языки, сонгай и др.).

Особое внимание уделяется преобладанию в Африке “линейных” глагольных систем (в противоположность “многомерным”), т.е. таких, для которых характерно кумулятивное выражение всех грамматических категорий одного показателя, не членимого в плане выражения. Иначе говоря, в таких системах вид-время-наклонение не образуют отдельных парадигм. Автор выделяет еще одну особенность африканских языков – наличие обширной “грамматической периферии”, т.е. выражение многих видовременных и модальных значений разнообразными слабо грамматикализованными оборотами, не образующими парадигм.

Интересны рассуждения В.А. Плунгяна относительно объема класса глаголов в африканских языках – по его мнению, глаголов здесь часто больше, чем в языках европейского типа. Это относится, во-первых, к изолирующим языкам, где одна и та же основа может выступать и в глагольной, и в именной функции (автор не эксплицирует своей интерпретации, но имплицитно исходит из того, что в таких случаях речь идет о разных употреблении

одной и той же лексемы – что представляется не бесспорным). Во-вторых, речь идет о статусе лексем, выражающих значения свойств и состояний, которые во многих африканских языках ведут себя, с точки зрения морфосинтаксиса, как глаголы.

Основная часть статьи посвящена анализу грамматической семантики глагола – типам актантной деривации, залогам, видо-временным и модальным значениям. Отмечу лишь одну неточность: говоря о том, что “развитые системы глагольного словообразования – очень яркая черта всех африканских языков (точнее, всех тех, где имеется какая-то аффиксальная морфология)” (с. 21), следовало бы исключить из этого числа языки манде, в которых морфологическая глагольная деривация крайне бедна или отсутствует – при значительно более богатом именном словообразовании; впрочем, по-видимому, в статье имеется в виду только глагольная морфология. При обсуждении проблематики пассива было бы интересно также проанализировать эту категорию в языках манден, где она выражается чисто синтаксически и является при этом совершенно регулярной; в семантическом отношении это – “чистый пассив”.

В статье А.Ю. Урманчиевой анализируются особенности морфологии и семантики отрицательных глагольных форм в различных африканских языках. В ситуации широко распространенной асимметрии утвердительной и отрицательной подсистем (которую, очевидно, следует считать скорее нормой, чем исключением – причем не только в Африке), автор пытается установить закономерности в их семантическом соотношении. Типичной оказывается редукция видовременных оппозиций в негативе, причем языки проявляют общие тенденции в том, что касается путей нейтрализации семантических оппозиций. Таким образом, полярность оказывается тесно связанной с другими глагольными категориями – видом, временем, наклонением, и эта связь, как показано в статье, имеет убедительное функциональное объяснение.

Обширная статья И.С. Аксеновой дает подробный обзор глагольных систем в языках банту. Она занимает почти четверть всего тома – что, впрочем, отражает удельный вес этой группы (из примерно 2000 африканских языков к банту относятся около 500). Морфологическая структура глагольной словоформы не проявляет большого разнообразия, поэтому основное внимание автор уделяет грамматической семантике. Неудивительно, что при таком количестве языков в глагольных системах банту обнаруживаются чуть ли все теоретически возможные грамматические ка-

тегории, внушительный инвентарь которых и предстает перед читателем.

Языкам банту посвящены еще три статьи сборника. И.Н. Топорова рассматривает формальные и семантические особенности инфинитива в языках группы С, на которых говорят в обоих Конго. Инфинитив здесь отличается огромным разнообразием форм, причем число различных инфинитивов в одном языке может достигать пяти. Эти формы обычно дифференцированы по семантике: так, простой инфинитив противопоставляется “инвитаивному” (зависящему от глагола ‘приходить’), “облигативному” (зависящему от глагола ‘идти/уходить’), пермиссивному и др.

Глагольную морфологию дабида (зона Е, Кения) всесторонне анализирует И.С. Рябова, используя материал, записанный автором от информанта (к сожалению, правда, без обозначения тонов, хотя этот язык относится к тональным).

В статье А.Д. Луцкова рассматриваются конструкции языка зулу со вспомогательными глаголами, которые составляют обширную грамматическую периферию глагольной системы. Зулу отличается поразительным обилием таких конструкций: в статье упомянуты 60 глаголов, используемых в функции вспомогательных. Это делает видовременную систему очень гибкой, способной выражать самые тонкие различия в значениях, и предоставляет в распоряжение говорящих на зулу богатые стилистические возможности.

Выходя за пределы бантуского ареала, читатель попадает в ареал нигеро-конголезских языков Западной Африки. Этот раздел открывается статьей Д.И. Идиатова “Семантика видовременных показателей в языке бамана”. Эта работа (первоначальный вариант которой был опубликован по-французски в парижском журнале “Mandenkan”) основана на материалах, собранных по глагольной грамматической анкете Эстена Даля, и значительно дополнена благодаря анализу текстов на этом языке. При том, что язык бамана к числу малоизученных отнести никак нельзя (счет публикаций здесь идет на сотни), работа Д.И. Идиатова является первым серьезным исследованием аспектно-темпоральной системы этого языка, выполняя важную лакуну.

Весьма информативна и статья Н.Р. Сумбатовой о глаголе ландума (атлантическая семья): несмотря на признаваемую автором неполноту материала (объясняемую форс-мажорными обстоятельствами – неожиданным отъездом информанта), она дает целостное представление об изучаемом объекте. Вызывает сожаление только тот факт, что автору не удалось (по вполне объективным причи-

нам) прояснить тональную систему ландума: учитывая, что во многих западноафриканских языках глагольные категории могут передаваться только изменением тонов (а еще чаще тональная морфология дополняет сегментную), нечто подобное может обнаружиться и в ландума.

Большая (почти в 100 страниц) статья А.И. Коваль посвящена морфологическому выражению контрастивности в глаголе пулар-фульфульде. Такая пространность – не прихоть автора: описываемый феномен, хотя и не так уж исключителен в африканских языках (даже среди рассматриваемых в монографии языках он отмечен в ландума и в сахарской группе), в силу своей непривычности часто ускользает от внимания исследователей, и потому его описание во всех деталях необходимо для адекватного понимания сути явления. Дело в том, что в пулар-фульфульде существует несколько парадигм глагольного спряжения, различающихся, кроме выражаемых ими видовременных и модальных значений, также и контрастивной выделенностью одного из глагольных аргументов, самого глагола или отсутствием фокуса контраста. Категория “контрастивность” оказывается тесно переплетенной с другими глагольными категориями. Так, для глагольных форм, маркированных по признаку “контрастивность”, характерен упрощенный набор аспектуальных оппозиций. Важной особенностью статьи А.И. Коваль является и привлечение материалов различных диалектов пулар-фульфульде, что придает дополнительный динамизм изложению и делает его объемным. Автора можно упрекнуть разве что в отсутствии глоссирования фразовых примеров, что иногда затрудняет их понимание.

А.С. Аракелова анализирует глагольную систему тене-кан – одного из идиомов догон¹. Исследование носит предварительный характер, что проявляется не только в ограниченности материала, на котором оно основано, но и в некоторой нечеткости изложения. Так, не вполне понятно, какое отношение имеют заданные таблицей 4 (с. 499) суффиксы деепричастий к приводимому ниже фразовому примеру – при этом неясно также, показатели какого из двух деепричастий (одновременности? предшествования?) представлены в таблице.

Суффикс -e/e, названный на той же странице “каузативным”, на самом деле, судя по приводимым глагольным парам, является скорее инхоативным. Несколько противоречива и трактовка автором категории “вида-времени”: вызывает сомнение правомерность выделения времени как самостоятельной категории; здесь речь явно идет об обычном для региона видовом противопоставлении “перфектив ~ имперфектив”, причем последний включает в себя хабиуталис и будущее (ср. очень похожую систему в бамана, описанную в статье Д.И. Идиатова). Непонятно, почему автор называет “аналитическими” формы, которые в примерах записываются как слитные (с. 501). Впрочем, несмотря на эти недочеты, публикацию нового диалектного материала по одному из наименее изученных африканских языков (к тому же полученного “из первых рук”, непосредственно от носителя) следует всячески приветствовать.

Нило-сахарский раздел открывается статьей Ю.Г. Суетиной, посвященной глаголу сахарских языков главным образом, морфологии. Следует отметить некоторую шероховатость изложения: с. 510 “...языки находятся на разных ступенях социально-культурной лестницы”; с. 511: “мы будем, для большей ясности, называть нынешний первый класс глаголов канури вторым, а нынешний второй – третьим”; с. 518: “префикс стоит под низким тоном” и др. Не вполне понятно, почему автор игнорирует работы по морфологии сахарских языков В.А. Дыбо – лишь одна из них упомянута в сноске на с. 514, но и она не включена в список литературы.

Диалект гао языка сонгай в сборнике посвящено две статьи. Видовременная система представлена в статье Ф.И. Рожанского; система сонгайских диатез рассматривается Ю.Е. Галиминой в статье “Транзитивность и залог в языке сонгай”. Эти обстоятельные, выполненные на хорошем современном уровне описания демонстрируют очень высокую степень типологической близости между сонгай-гао и языками манден (впрочем, уже не раз отмечавшуюся в литературе, в том числе и в работах Ф.И. Рожанского). Сходство наблюдается даже в деталях², что позволяет говорить о существовании мощного языкового союза в Западном Сахеле.

¹ Получает все большее признание мнение, что догон следует считать не столько языком, сколько особой языковой семьей в составе нигеро-конголезской макросемьи – дистанция между составляющими этот кластер idiomaми (особенно периферийными) оказывается очень большой.

² Ю.Г. Галимина говорит о более высокой степени лабильности глаголов бамана по сравнению с сонгай, опираясь на описания бамана 20-летней давности. Более поздние описания свидетельствуют о том, что и в этом отношении дистанция между бамана и сонгай невелика.

Семито-хамитский (афразийский) раздел представлен двумя статьями. Исследование В.Я. Порхомовского “Аспект в семито-хамитских языках”, на первый взгляд, затрагивает совсем иную проблематику, чем остальные материалы тома – праязыковую реконструкцию. Однако на самом деле тематический разрыв не так уж и велик: именно применение типологического подхода позволяет автору предложить оригинальную реконструкцию прасемитской видовойременной морфологии, а проекция этой модели на берберские и чадские языки дает возможность нащупать подходы к реконструкции и для этих ветвей.

Завершает сборник статья О.В. Столбовой о глагольных формах западно-чадского языка кирфи, материал для которой был собран автором в Нигерии в ходе полевых экспедиций. Работу отличает глубокий и тщательный морфологический анализ, который затрагивает и синхронию, и диахронию. Отрадно отметить то, что автор не избегает обращения к супrasegmentному уровню, что существенно повышает точность исследования. Несколько менее убедителен бывает анализ значения грамматических форм. Так, вряд ли есть необходимость привлекать экстралингвистические причины для объяснения семантики вида и времени (с. 628–629) – судя по описанию, кирфи облада-

ет достаточно обычной для западноафриканских языков бинарной оппозицией “перфектив ~ имперфектив”, неоднократно рассмотренной даже в пределах данного тома. Не очень понятно, какое “залоговое” значение субъюнктива имеет в виду автор (с. 638) – далее в тексте говорится лишь об использовании его в функции показателя зависимой предикации, что не имеет отношения к залогу. Вряд ли есть необходимость и объяснять хаусанским влиянием совмещение у этой формы функций маркера зависимой предикации и “пустого глагольного значения” (иначе говоря, консекутива) – такое совмещение в Западной Африке достаточно тривиально, что говорит о глубинной смысловой близости этих двух функций.

Отрадно отметить, что в авторском составе сборника представлены все поколения российских лингвистов-африканистов, причем научный уровень статей самых молодых из них, как правило, соответствует самым высоким требованиям. Читая эту книгу, убеждаешься, что “кризис в африканистике”, о котором так любят говорить некоторые наши коллеги-этнографы и социологи, лингвистику не затронул.